

до крещения чешского князя в хронике господствует легендарная «вневременность», и только введение христианства привносит хронологию в чешскую историю. 894 год — очевидно, результат догадок самого Козьмы. Зная его источники, мы можем попытаться восстановить ход его мыслей. Контекст всего памятника и особенно главы I, 14 (затем непосредственно рассказывается об исчезновении Сватоплука) показывает, что в крещении Борживоя Козьма видел символ начинающегося расцвета Пржемысловцев и панихиду по прежнему величию Сватоплука. С точки зрения государственной-правовой концепции Козьмы, по которой Пржемысловцы были наследниками Великоморавской державы, это построение следует признать удачным: 894 год — год смерти Сватоплука — был действительно рубежом во взаимоотношениях Моравии и Чехии. Эта дата подготовлена уже главой I, 10 Хроники, где упоминалось об императоре Арнульфе, о котором, разумеется, не говорит Кристиан. Но 894 г., естественно, невозможен с точки зрения первоначального ядра легенды, поскольку Мефодий не мог крестить Борживоя в этом году, так как умер девятью годами ранее. Уже в течение трех столетий историки, если они вообще не отрицают историчности труда Кристиана, пытаются датировать крещение Борживоя лучше, чем Козьма, но нас в данном случае интересует только ход рассуждений Козьмы. Его позиция — позиция политика (отношения Чехии к Моравии Сватоплука), и легендарная основа в его построении отступает на задний план. Для хрониста такой подход характерен и неизбежен; костяк его труда составляет логика династических отношений, очередность государей.

Все это проливает свет и на дату 898 в ПВЛ. Мотивы этого хронологического приурочения «Сказания о преложении книг» определялись опять-таки политической историей, в данном случае набегами венгров.³³ Близость обеих датировок (894 г. — у Козьмы год крещения Борживоя и 898 г. — «Сказание о преложении книг») едва ли случайна. И хотя в ПВЛ, по крайней мере в сохранившейся редакции памятника, затем и не говорится о разорении Великой Моравии венграми, тем не менее чувствуется, что редактор ПВЛ осознавал неизбежность гибели Моравской державы, а следовательно, и дела Кирилла и Мефодия в области, где солунские братья начинали свою деятельность. Козьма, приурочивая крещение Борживоя к году смерти Сватоплука, заявляет тем самым, что пржемысловец Борживой, приняв христианство в последний момент, сумел стать наследником могучей державы. Редактор ПВЛ, подобно Козьме, косвенным образом показывает, что славянская культура, зародившись в Моравии, после гибели Моравской державы смогла расцвести на Руси, а также, разумеется, в Чехии и Болгарии.

Иногда высказывается мнение, что составитель свода считал 898 г. — годом возникновения старославянской литературы и культуры, буквально годом перевода литургических книг. Едва ли можно приписать редактору такое понимание, даже если, как утверждает А. А. Шахматов, читатели ПВЛ именно так стали вскоре судить об этой дате. Современная наука пытается, например, определить время возникновения поэм Гомера и отдельных библейских книг, но книжник начала XII в. едва ли ломал голову над подобными проблемами. Так и для Козьмы несомненно Мефодий имел гораздо меньшее значение, чем политическое наследие державы Сватоплука.

Проблему можно сформулировать и иначе. Мы можем и должны различать существующий вид «Сказания о преложении книг» (в ПВЛ) от его первоначального оригинала — по нашей терминологии, «старославянского

³³ См.: Повесть временных лет, ч. II, стр. 257.